

◀ **Читайте в серии**
«Молодежное российское
фэнтези»: ▶

Алекс Джун
«Спи, Алиса»

Дельта Корнер
«Убийца Королей»

Кайса Локин
«Сумеречный сказ»

Екатерина Соловьева
«Избранник смерти»

Елена Добрынина
«Эмма Дженкинс»

Натали Рок
«Кровь и клятва»

Валентина Колесникова
«Пленница льда»

ВАЛЕНТИНА
КОЛЕСНИКОВА

ПЛЕННИЦА
ЛЪДА

Freedom

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
К60

Иллюстрация на обложке *vaizerka*

Художественное оформление
Миланы Корягиной

Колесникова, Валентина Игоревна.
К60 Пленница льда / Валентина Колесникова. —
Москва : Эксмо, 2024. — 544 с. — (Young Adult.
Молодежное российское фэнтези).

ISBN 978-5-04-190034-2

Еще вчера меня звали Мария. Теперь я Сэра — ведьма, неспособная говорить. Я думала, что умру, но вместо этого оказалась здесь, в мире, где лед поглощает все живое и обращает в нежить. Те, в чьих жилах течет магия, становятся самыми опасными существами — за ними и следует могущественный маг Ролан.

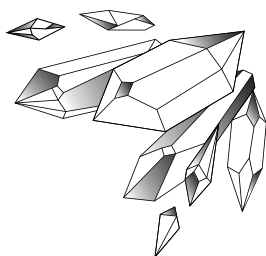
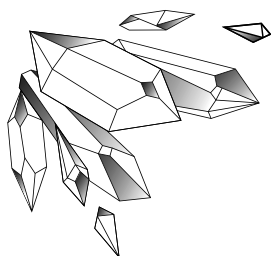
Ролан... одно звучание этого имени заставляет дрожать от страха. Он идет за мной. Я это знаю. Он ищет меня, потому что я смогла выжить в ледяной буре и обрести магическую силу.

Но живя в постоянном страхе, я не ожидала, что влюблюсь в того, кого должна ненавидеть...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Валентина Колесникова, 2023
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-190034-2

ГЛАВА 1

Холодно.

Очень холодно.

Руки немели, даже горячий чай не помогал.

Я устало отодвинула от себя чашку, попыталась согреться у батареи, включив обогреватель, но ничего не вышло.

Пальцы не слушались.

За окном медленно начиналось лето: яркие лучи восходящего солнца согревали продрогшую землю, хотелось сбежать на улицу, окунуться во всю эту красоту, насладиться свежим воздухом и очарованием города, но... не судьба.

Ночная смена в стационаре была полна сюрпризов. Один из студентов пожелал нам удачи, вот и понеслась душа в рай: за всю ночь так ни разу и не присели.

Запомните: никогда не желайте врачу удачной работы, смены или дежурства. Это плохая примета, и несет она за собой последствия не только для врача, которому вы пожелаете всего наилучшего, но и для пациентов, которые к нему поступят этой ночью.

Простыми словами: всем достанется.

Не шучу.

Странно, что после этого бедный мальчик остался жив. Костерили мы его всем отделением, послав в такие дальние дали, куда только врачи посылать и могут. Бедный студент побледнел, вспомнил, что когда-то в школе был заикой, и, под всеобщий гул недовольства сбежал из ординаторской куда глаза глядят.

Ох, когда-то и я была такой же ранимой: боялась дверь открыть и слово молвить. С опытом приходит осознание того, что наглость в разумных пределах не просто уместна, а иногда необходима.

Выпив седьмую чашку кофе, я скривилась, ощущая дикое сердцебиение. Но отчет сам себя не напишет, карты сами себя не заполнят, а долгожданная пятиминутка уже через час. Выжить бы...

Но почему так холодно?

Не получается согреться...

Это удивляло и раздражало одновременно, даже шерстяной плед не помог. Я не видела логики в своих ощущениях и не могла выявить причину.

— Как ты? — Владислав Сергеевич нервно улыбнулся, припоминая вечернего студента с его искренними пожеланиями, — из седьмой палаты наш счастливчик попал на рентген?

— Попал, — устало ответила я, показывая куратору заветный снимок, — красивый перелом. Точнее, три.

Владислав внимательно рассматривал снимок нижней челюсти с переломами и чуть ли не плакал от осознания бренности бытия: шинировать

нетрезвого пациента придется именно ему, а я нагло сбегу домой, к холодному одеяльцу и подушечке.

У меня отпуск. Ну как отпуск... Заветные две недели я проведу дома.

Так что прости, море, но встретимся мы с тобой в следующем году. А пока прогулки по Питеру мне в помощь, а также сон.

Я невольно зевнула, прикрывая рот рукой, вновь отодвинула чашку с недопитым кофе, поправила слегка измятый халат и выслушала на пятиминутке много интересного о себе. У нас редко хвалят. Если не отчитали, радуйся: значит, ты не ошибся с бумагами, а их миллион и больше.

— Счастливая. — Владислав устало махнул своей огромной рукой и улыбнулся как уставший от жизни человек. Не везло ему с личной жизнью: вновь развелся, и все по одной и той же причине. Медицина вбирает в себя полностью, и времени на семью почти не остается. Ты тонешь в работе, вкалываешь как проклятый, сильно нервничаешь. Мы все в какой-то степени обручены с медициной. И я в том числе.

Челюстно-лицевая хирургия на данном этапе жизни съедала все время и силы, поэтому ни о какой личной жизни я не думала, хоть и испытывала легкую грусть, а еще желание сходить на свидание, хоть и не с кем.

— Маш, — после пятиминутки коллега все же не выдержал. Я давно заметила, что он пытается что-то сказать, но всякий раз останавливает себя, — послушай старика, оглянись по сторонам,

счастье-то рядом совсем. Дима с тебя глаз не сводит. Парень хороший, рукастый...

Я ничего не ответила, только невольно глянула на Диму. Парень он хороший, и я ему правда нравлюсь, но он не мой.

Он просто *не мой*.

Сложно объяснить это странное чувство, но с каждым годом все чаще я думала о том, что нахожусь не на своем месте. Это терзает, нервирует, но ответов нет, а жизнь идет дальше. И каким бы замечательным ни был Дима, я ощущала лишь то, что это не мой человек.

Иногда казалось, что *моего* мужчины и вовсе не существует. В такие моменты я гнала эту мысль от себя как можно дальше, закрывала в самых дальних глубинах души на тысячи замков, лишь бы не чувствовать, с какой грустью бьется мое сердце.

Утренний город радовал теплом и солнцем: редкое явление среди бесконечных дождей.

Голова казалась ватной, мысли притуплялись, и я никак не могла понять, что со мной происходит.

— Ты странная, — Владислав, как порядочный джентльмен, провожал меня до выхода из корпуса, держа в руках пробирки с материалом, — я давно заметил: ты все время дрожишь, руки ледяные, и бледная стала. Может, сама кровь сдашь? Вдруг беременна?

— Только если от Святого Духа, — скептически заметила я, борясь со сном. — Мне просто нужно как следует выспаться, хорошо поесть, поваляться в кровати несколько дней и осознать, что будиль-

ник молчит не из-за того, что я проспала, а просто потому, что не нужно никуда бежать.

— Я мечтаю о таком отпуске, — мягко улыбаясь, мой милый и добрый коллега кивнул на прощание, вздрогнул из-за прохладного ветра и побежал в сторону лаборатории, бросив на прощание: — За муж тебе пора, старушенция! Ладно я, мужик как никак, глава семьи, но тебе так пахать противопоказано, милая. Пока!

Это я старушенция? Да я в самом расцвете сил! Подумаешь, слегка за двадцать!

Фразы о замужестве начинали вгонять в уныние. Многие мужчины думают, что женщины только и мечтают поскорее выйти замуж и брак для нас — цель в жизни. Я всю жизнь прожила без отца и понять, зачем нужна полная семья, а главное, нужна ли она мне, я не могла.

Да почему же так холодно?

Я задрожала, замерев посреди улицы, а пробегающие мимо девушки так мило выглядели в своих тонких летних платьицах.

Всю прошлую ночь мне не хватало воздуха, неизвестно почему раскалывалась голова, и заснуть, конечно, не удалось.

Каждый шаг давался с трудом, все чаще я смотрела в сторону скамеек, а потом поняла: если присяду, уже не встану. Проспект казался на удивление пустым. Обычно в это время он всегда запружен машинами и людьми, все спешат на работу, но сегодня даже кофейни казались закрытыми.

Время будто замерло. Ни движений, ни звуков. Ничего. Странно.

Воздух с каждым шагом казался плотнее, словно за спиной очень медленно кралась зима.

Холодно... Что-то не так. Так не должно быть. Так просто не может быть.

Летняя пора внезапно сменилась холодом. Подул ледяной ветер и мигом сковал тело. Он проник под легкую куртку, коснулся голой шеи и заставил отчаянно задрожать.

Так не бывает, это перебор даже для Питера...

Одинокие прохожие вдалеке спокойно шагали по своим делам, совершенно не замечая холода: в Питере солнце, а это редкость.

Я обхватила себя руками и растерла ладонями плечи, но пальцы тут же снова стали ледяными.

Хочу домой.

Метро совсем рядом, остался один поворот...

Петроградская, обычно всегда оживленная, казалась мертвой. Ни в подземном переходе, ни в ресторанах и кафе, даже у маленького сквера не было ни души. Лишь вдалеке виднелось несколько силуэтов.

Становилось холоднее. В воздухе появился пар от дыхания, руки затряслись. Я из последних сил прибавила шаг...

Но стоило мне перейти дорогу, как мир вокруг замер. Ни шелеста листвы, ни шума машин. Даже птицы застыли как в стоп-кадре.

Перед глазами все поплыло.

Сердце замедлило ход, я ощущала его толчки все реже, горло сдавило спазмом, я уже не могла дышать.

В тот миг все вокруг изменилось, я видела, как в небе сгущаются тучи, как наполняются чернотой,

закрывая солнце. А потом ледяная стена ударила в лицо, и мир погас.

Даже испугаться толком не успела.

Разве такое бывает?

«Судьба действительно злодейка». Иногда мама шептала эти слова, глядя на себя в зеркало.

Понять бы, что она имела в виду.

Мама... Мамочка...

Я не ощущала рук. Ног тоже не чувствовала. Пронзительная боль в висках, затылок пульсировал... Упала и разбила голову?

Но почему так холодно? Меня словно вдавило в лед, и он впивался осколками в спину и шею.

Не пошевелиться... Очень холодно.

Вдох.

Выдох.

Я смогу, я справлюсь!

Вдох. Выдох.

Как же страшно! И никаких звуков. Только ветер ревет.

С огромным трудом я открыла глаза.

Белая пелена и невероятный холод. Потoki ветра разносили в разные стороны крупные белые хлопья. Снежная буря стремительно накрывала деревья, превращая их в огромные сугробы странных форм. Снег облепляет стволы, сковывает листья и темную, влажную землю и несется ко мне!

А я не могу пошевелиться, меня словно избили, сломав каждую косточку, вывернули наизнанку и выкинули, как хлам.

Единственное, что я могла делать, — это невольно давиться слезами, которые на таком холоде мгновенно превращались в льдинки.

Кончики светлых волос обледенели, покрылись инеем, и даже зубы болели от холода.

В небе что-то взрывалось: яркие вспышки света... галлюцинации? Стрекот. Непонятное шипение со всех сторон.

Мне все это мерещилось?

Надо встать...

Надо срочно встать!

Снова вспышки.

Чей-то голос? Нет, это рев ветра...

Сила воли, как говорила мама, досталась мне от отца. Я ни разу его не видела, даже фотографии не сохранилось в доме, но мама его так и не забыла.

«Ты такая же упорная, — шептала она, укладывая меня в детстве в кровать. В тот вечер я пришла после учебы и отключилась прямо в коридоре. Школа давалась мне с трудом. — Твой отец гордился бы тобой. Жаль, он тебя не видит».

Я пыталась спрашивать о нем, но ответа не было. Мама лишь говорила, что он пропал, а фотографии сгорели.

Я не верила.

Воспоминания о доме заставили сделать усилие. Преодолевая боль, я приподнялась на локтях, захлебываясь в беззвучном крике. Снег продолжал хлестать по лицу, но я почувствовала свои руки.

Если и обморожение, то легкое, я еле-еле двигала пальцами, ноги тоже ощущала, хоть почти не видела их из-за бури.

Встать не получалось — порывы ветра мигом били в спину, и я падала в снег, вновь и вновь утопая в сугробах и чувствуя, как ледяные осколки с силой впиваются в открытые участки кожи. Даже среди снежной бури я могла отчетливо различить свою одежду. Мои куртка, джинсы и кроссовки. Боже, как хорошо, что я решила надеть кроссовки, а не балетки! Обувь плохо согревала, но она все же меня защитила.

«Так не бывает», — стучало в голове снова и снова, но зрение не обманешь.

Я точно не в Санкт-Петербурге.

Шаг... снова шаг и дрожь. Я кричала от ужаса внутри себя, паниковала, не в силах справиться с эмоциями. Кричала так, как никогда в жизни, стонала, испытывая боль, но все это терялось среди бесконечного снега.

Мне нужно выжить. Мне просто нужно выжить! Я хочу домой!

Я замирала, закрывала глаза и мечтала проснуться.

Бесполезно.

Со всех сторон что-то взрывалось, окрашивая небо в различные цвета, и от ужаса я все шагала и шагала дальше.

Паника пригибала меня к земле. То и дело хотелось упасть в снег и позволить себе забиться в конвульсиях. Но я останавливалась и просто дышала. Это помогало мне снова и снова. А затем...

Буря внезапно стихла.

Снежный вихрь на секунду замер, словно в замедленной съемке. Снежинки застыли в воздухе, слабо мерцая на свету, и резко взвились вверх. Огромный ледяной поток поднимался в воздух, меняя формы, будто живой, будто... Кто-то им управлял.

Яркое солнце над ледяной пустыней мгновенно ослепило. Больше небо не пряталось за тучами, они исчезли вместе с бурей. Я видела, как вдалеке засияли шпили огромных башен, как старинный замок, скованный льдом, вырос на холме, как неестественно застыли знамена...

Как чья-то фигура замерла в воздухе. Так не бывает, я просто брежу. Все это нереально...

Старинные одежды незнакомой эпохи, словно сотканые из серебра, сияли в лучах солнца. Длинные белые волосы разлетались в разные стороны с каждым дуновением ветра. Тонкие руки были скрыты под длинными широкими рукавами темно-зеленого плаща, полы которого развевались на ветру.

Человек повернул ко мне голову, но не видел. Будто смотрел сквозь меня.

Зрачки были стальными, серыми, скрытыми какой-то тонкой пеленой. Тонкие губы. И ногти — изогнутые, острые, длинные.

На шее была цепь: толстая, серебряная, с ярким зеленым камнем, еле заметно пульсирующим, словно чье-то сердце.

Станный человек принюхивался, будто зверь, а я замерла, боясь дышать.

Он водил носом, будто и правда меня не видел, наклонил голову и медленно поднимал руку, словно тянулся к чему-то...

В этот миг ноги подвели: я упала в снег, и это от него не ускользнуло.

Его ладонь резким росчерком блеснула в воздухе. Когти сверкнули, как лезвия меча. Где-то в воздухе снова возник снежный поток и с силой ударил возле моих ног в застывшую землю, прессуя ее до ледяного хруста.

Кожу обожгло мгновенно. Я не закричала лишь потому, что не позволила боль в горле. Зато ноги на этот раз не подвели.

Я побежала куда глаза глядят, по идеально гладкому льду. Я скользила, за спиной что-то взрывалось, то тут, то там лед трещал, ломался. Несколько огромных кусков оторвало от земли и швырнуло в мою сторону.

Одни упали совсем близко, другие откололись и отлетели в сторону одиноко стоящего дерева. Стоило им долететь и удариться о ствол, как тот стал идеально прозрачным и на глазах превратился в ледяную статую.

Это ад? Я умерла?

Я смотрела, как кора меняет свою структуру, медленно теряет форму и становится прозрачной, словно стекло. Я слышала странный звук, видела, как существо помедлило у обломков льда, будто сомневаясь в чем-то, а потом взмахнуло руками и исчезло в буре.

Снежный поток преобразился. Теперь он скрывал внутри себя нечто огромное и опасное. И суще-

ство тоже странно изменилось. Не внешне, а внутренне. Изменилась и я: мне казалось, что я почти умерла, и смертоносным для меня стало внимание этого существа.

— Ты должна его спасти... Спаси его...

Из эпицентра снежного потока вырвался огромный вихрь. Он взмыл в небо, унося с собой ледяную стихию, издал звериный рев и исчез.

Наступила тишина. Ледяная, пробирающая до самых костей. И этот голос... Так не бывает! По щекам текли слезы.

Я видела вдалеке замок с застывшими знаменами и шпилями башен. Толстый слой льда не позволял разглядеть его как следует, бликовал и слепил глаза. Я пыталась рассмотреть хоть что-то, но не получалось. Видела лишь, как на огромном поле прямо перед замком застыли фигуры, занесенные снегом.

Буря все заморозила, сковала все живое льдом.

Стало страшно, я не могла заставить себя двигаться. Тело онемело, не слушалось. Я пыталась выровнять дыхание, но ничего не выходило — паника не отпускала ни на секунду. Затем я просто сорвалась с места, убегая как можно дальше от замка.

Будто кто-то толкнул в спину.

Мне казалось, что я бежала быстрее ветра. Не чувствуя ног, мчалась куда глаза глядят, пробегала мимо огромных деревьев, замерших в плотном прозрачном льду. Звери и птицы — все погибли в этой тюрьме.

Я замерла на мгновение, остановилась. Смотрела на то, как яркие лучи невероятно жаркого солнца падают на стены хрустального замка, наполненного зловещей тишиной.

Нужно во что бы то ни стало выбраться из ледяного плена, уйти отсюда, сбежать, но куда?

Ноги утопали в глубоком хрустящем снегу, солнце при этом согревало тело. В какой-то момент оно стало обжигать открытые участки кожи на шее, я чувствовала, что еще немного и будет ожог.

Что за мир такой? Что за странное место?

Законы физики, казалось, не работали, точнее, они работали, но не так, как я к этому привыкла. Наблюдая за тем, что происходило вокруг, я не понимала, почему снег не тает под палящим солнцем, почему он все еще такой холодный. И почему мне так тяжело дышать?

Буквально через сто метров я увидела странную глыбу: человеческая фигура застыла в ледяной тюрьме. Сквозь идеально прозрачный лед я видела женщину, на ее лице застыл ужас. Она явно бежала в сторону леса, бежала от замка, держа в руках какое-то животное, завернутое в тряпки. Одежда потрепанная, грязная и рваная. Было видно, как по ногам, чуть ниже колен, текла густая темная кровь — алый рисунок замер, как и кристаллики слез на щеках незнакомки.

Не знаю, сколько я простояла на месте, не помню, как долго всматривалась в лицо, искаженное ужасом, но пришла в себя, как только услышала гортанное рычание за спиной.

Резко обернувшись, я ничего не увидела: лишь лед и снег, ничего больше. Мне хотелось закричать, но не получалось из-за дикой боли в горле. Хотелось прошептать хоть слово, но и этого я не смогла. Я просто выдыхала воздух, а вместо речи выры-

вались совершенно непонятные звуки, от которых становилось дурно.

Очень хотелось пить, еще сильнее — есть. Снег не таял даже в руках. Я лизнула его: будто тысячи игл разом вонзились в самый кончик. Я бы, может, и заплакала, да, оказалось, нечем. Все слезы остались там, в снежной буре.

С собой был рюкзак: в нем осталась половина шоколадки, маленькая, почти пустая бутылочка с водой и мелочь.

Деньги в кошельке превратились в бумагу, обертка от шоколадки тоже. В простую бумагу, оборванную, словно древний пергамент.

«Ну, хотя бы шоколадка, уже неплохо», — думала я, пробуя кусочек. Вкус оказался таким гадким, что пришлось все выплюнуть.

Горечь во рту я приглушила последним глотком воды. Руки дрожали, и стоило мне уронить бутылку, как пластик, коснувшись льда, разлетелся на тысячи осколков.

Да что, черт возьми, здесь происходит?

Сжав от злости зубы, я шагала и шагала вперед, пока не свалилась в снег.

Сил бороться не осталось. Я лежала на снегу, а в голове царил пустота, граничащая с безумием.

Руки прикасались к ледяной поверхности, ощущая ее кончиками пальцев. Мягко и аккуратно, боясь почувствовать острый укол и сильную боль.

Дыхание становилось тяжелым, глаза медленно закрывались.

Нет. Нельзя спать!

Где-то на горизонте виднелся густой зеленый лес, я видела стаи птиц и слышала звуки природы. Мягкие потоки ветра разгоняли снег, и поземка вилась, как быстрые змеи.

«Эй, мироздание, — подумала я, закрывая глаза от усталости, — что тебе от меня надо? Смерти моей хочешь? Так не проще ли кирпич на голову скинуть?»

Не надеясь, что мироздание ответит, я стала проваливаться в бездну, боясь, что уже никогда не проснусь.

Может, это к лучшему.

Я не уснула.

Становилось тепло. Сквозь полудрему я ощутила спиной нечто мягкое, влажное и открыла глаза. Я думала, что из-за солнца снег начал таять, но ошиблась.

Плотная тонкая корочка льда все еще сковывала зеленую траву, и сквозь эту корочку прорастали красные ягоды.

Я лежала на месте и не двигалась, наблюдая за тем, как темно-зеленые листья медленно прорываются сквозь преграду, как ягоды насыщаются цветом. Они росли, тяжелели, падали на тонкий лед, и он трескался под их весом.

Ягоды... Еда!

Меня затрясло. Ягоды ядовитые? Наплевать! Если я не поем, то умру среди снега от голода и холода, а если отравлюсь, то тоже умру. Но если ни то ни другое?

Я все-таки дотянулась до ягоды. И разрыдалась. Сладкая и сочная, и такая вкусная! Я срывала и срывала ягоды, потом сняла куртку, как только появились силы, и высыпала пригоршню ягод в рюкзак. Голова больше не казалась ватной, я смогла встать и идти дальше, ломая с каждым шагом то, что осталось от ледяной корки. Еще сотня шагов, и я оказалась перед границей. Лесная часть начиналась резко, с острых елей с длинными красноватыми иголками. Закутавшись в куртку, я шагнула вперед, потом еще и еще и в итоге смогла пройти через острые иглы, выйдя на небольшую поляну, окруженную дремучим лесом. И ни намека на снег. Как такое возможно? Законы природы здесь тоже не действуют.

Лес... В лесу есть хищники. Надо как-то от них защититься, но как? Куртка для этого явно не годилась. Она вообще уже мало на что годилась: острые иглы прошили ее насквозь.

«Если я выживу, то всегда в сумочке буду носить топор», — эта шальная мысль заставила меня истерически, но беззвучно рассмеяться и закрыть лицо руками.

Внезапный шорох со стороны мертвого замка заставил вздрогнуть.

Сердце забилось с бешеной силой, голова закружилась, но вокруг все было спокойно.

Показалось? Не думаю.

Стоя посреди леса, машинально съев еще несколько ягод, я решила идти вперед. Ягод с собой было мало. К тому же нужна вода, а также то, куда я эту воду смогу налить.